

ничего бы и не случилось. Но это другое выраженіе, которое онъ замѣтилъ такъ же ясно, какъ и первое, не обмануло его предположенія. Смысль же его заключался въ томъ, будто жена испугалась не столько за себя, какъ за музыканта. Подобно путнику, который, идя въ темную ночь по пустынной дорогѣ и пугаясь всякаго выдающагося предмета, старается видѣть всюду опасность, козни, — Позднышевъ, упиваясь ужасами своихъ жертвъ, всѣ слова и жесты ихъ переводилъ на свой, Поздышевскій, языкъ, объяснялъ на свой ладъ. Однимъ управляетъ страхъ, другимъ управляла ревность. „Опомнись! что ты? Что съ тобой? Ничего нѣтъ, ничего, ничего. Клянусь!“ — вскрикиваетъ въ смертельномъ ужасѣ жена. „Я бы и еще помедлилъ, — говоритъ Позднышевъ, но эти послѣднія слова ея, по которымъ я заключилъ обратное, что все было, вызывали отвѣтъ. И отвѣтъ долженъ былъ быть соотвѣтственъ тому настроенію, въ которое я привелъ себя, которое шло все *espresso* и должно было продолжаться такъ же возвышаться. У обшества есть тоже свои законы. — „Не лги, мерзавка! — завопилъ я и лѣвой рукой схватилъ ее за руку, но она вырвалась. Тогда я, все-таки не выпуская кинжала, схватилъ ее лѣвой рукой за горло, опрокинулъ навзничъ и сталъ души. Какая жесткая шея была... Она схватилась обѣими руками за мои руки, отдирая ихъ отъ горла, и я какъ будто этого-то и ждалъ, изо-всѣхъ силъ ударилъ ее кинжаломъ въ лѣвый бокъ, ниже реберъ“.

И какъ легко все кончилось... Стоило столько мучиться ревностью, терзать себя, жену и дѣтей, когда все можно такъ легко устроить и такъ устроить, что все разомъ приметъ иной оборотъ. И вотъ Позднышевъ устроилъ то, чего съ такимъ жаромъ добивался: онъ свободенъ. Задача жизни рѣшена, поруганная честь восстановлена. Со всѣмъ тѣмъ вышло *не то*. Конецъ разсказа, заключительная страница его освѣщаютъ намъ яснѣе личность Позднышева. Онъ не понималъ хорошо своихъ дѣйствій, не зналъ, что дѣлалъ, кого убивалъ. Сознаніе грѣховности и безобразности преступленія проснулось скоро, но попытка просить прощенія у умирающей жены не удалась. Она напоминаетъ намъ знаменитое *пропусти*, вмѣсто *прости*, Ивана Ильича. „Я взглянулъ на дѣтей, на ея съ подтеками разбитое лицо, и въ первый разъ забылъ себя, свои права,